

Глава 1

Обогнать с первого раза учебную «шестерку» с предупреждающим треугольником на крыше мне не удалось. Как раз в тот момент, когда я обходил машину слева, «шестерка» повела себя так, словно за ее рулем сидел плохо выдрессированный медведь. Машина вдруг рванула вперед, зашуршав колесами по гравию, и, обгоняя стоящий впереди хлебный фургон, тоже начала брать влево. Она беспардонно прижимала мой крупный «Ниссан-Террано» к бордюру встречной полосы. Я на всякий случай поигналил. Потом, удивляясь отчаянной храбрости ученика и его инструктора, притормозил, уважительно пропуская ошалевшую машину.

Мы бы разминулись вполне благополучно, если бы из-за поворота прямо на меня не выкатил автобус. Спасая машину от издержек учебного процесса, я прихлопнул ногой педаль акселератора, словно какого-то вредоносного жука. Сто двадцать пять «лошадок» турбодизеля снарядом кинули «Ниссан» вперед, в узкий промежуток между «шестеркой» и автобусом. Когда я наконец снова вырулил на свою полосу, оставив учебную машину позади себя, «шестерка» встала как вкопанная посреди дороги и наконец заглохла.

Я сбавил скорость, с сочувствием наблюдая в зеркало за убийственным автотренажером. Со стороны инструктора распахнулась дверь, и из машины вывалился коренастый крепыш в темных брюках, сандалиях, одетых на красные носки, и в майке, украшенной рекламой пива. Он был очень огорчен, сильно размахивал руками, отчитывая ученика, который по-прежнему сидел в машине и не высовывался.

На ловца и зверь бежит, подумал я, узнав в инструкторе своего соседа Виктора Куценко, который в прошлом месяце одолжил у меня, кажется, штуку (или две?) баков. Дал задний ход, мягко прижавшись к передку «шестерки», заглушил машину и вышел наружу.

Виктор не сразу разглядел мои добрые намерения и на всякий случай отступил назад, за свою красную развалюху. Исподлобья глядя на меня, он нескладно и безадресно выругался:

— Да что за дела!.. Не поймешь, черт возьми, что творится! Все с ног на голову поставлено!..

Я снял темные очки. Виктор меня узнал, откровенно обрадовавшись тому, что хозяин «Ниссана» его сосед, а не какой-нибудь уголовный элемент с туманным прошлым, но ясными противоправными намерениями. Правда, уже через мгновение по его лицу пробежала тень — кажется, он вспомнил про долг, и это испортило ему настроение.

— Привет, — упавшим голосом сказал он, протягивая свою широкую, с короткими пальцами ладонь.

Люди, которые должны, так не любят смотреть в глаза!

— Чего шумишь? — примирительно сказал я.

Виктор, ожидавший неприятного вопроса о баксах, оживился и с удовольствием стал закапываться в начатую мной тему:

— Я объясняю: педаль сцепления надо отпустить сначала на треть хода, а потом потихоньку, как пробку из-под шампанского...

— Так возьми бутылку и покажи, а не ругайся, — посоветовал я. — Или дай разок по затылку. Это помогает.

— По затылку! — буркнул Виктор и мельком взглянул на запященное окно «шестерки». — Эту нельзя. Актриса!

Вокруг нас скапливался народ, в основном местные пенсионеры. В отличие от курортников им было скучно, и они хотели посмотреть на разборку. Большая, как корова, бабуля в больничном халате, махая перед собой газетой, басом рассказывала анекдот про то, как на «шестисотый» «Мерседес» наехал «Запорожец». Юмора никто не понял. Мои землячки не знали, что такое «Мерседес», а «Запорожец», очень популярный в здешних краях, считали нормальной машиной.

Я всматривался сквозь стекло «шестерки», тщетно пытаюсь

рассмотреть сидящую за рулем актрису. Я полагал, что там должно находиться некое перепуганное, эфемерное, полупризрачное существо с белой до синевы кожей, слабым голосом и томным взглядом. Ничего не увидев, я хотел напомнить Виктору, чтобы он перед выездом тщательнее мыл стекла, но в этот момент дверь открылась и я увидел каштановую шляпку волос с обесцвеченной челкой, а затем и широкоскулое загорелое лицо девушки лет двадцати пяти. Она заметно отличалась от приезжих девушек, переполнивших пляж, необычным сочетанием цвета волос и ярко-зеленых миндалевидных глаз, а также профессиональным макияжем, где тональный крем, тушь и тени едва угадывались на ее лице. А вызывающая одежда (лайкровые велотрусы до колен и широкая рубаха-косоворотка с длинными рукавами, свисающими, как у петрушки) красноречиво подтверждала, что девушка привыкла привлекать к себе внимание.

Ступив босыми ногами на горячий асфальт, она вытащила откуда-то из-под педалей пару босоножек, надела их, после чего оперлась о горячий капот «шестерки» и высокомерно посмотрела на меня.

— Надеюсь, я вас не задела? — спросила она.

— К счастью, нет. Но я просто чудом успел выскользнуть из-под ваших колес.

— Я не виновата, — объявила девушка безапелляционным тоном. — Просто у этих «Жигулей» плохо крутится руль. И инструктор у меня злой.

— Насчет руля вы, может быть, не совсем точно выразились, — тактично заметил Виктор. — Я лично проверял машину перед выездом. Дело в другом: прежде чем перестроиться в соседний ряд, надо убедиться, что этим маневром водитель не создаст...

Я с любопытством рассматривал актрису. Где она играет? И какие роли?

— Вы в самом деле актриса? — спросил я.

Она не ответила на мой вопрос и опустила на глаза непрозрачно-черные очки с круглыми стеклами в оправе из белого металла.

Монахиню она сыграть не сможет, решил я, разве что в кинокомедии.

Виктор топтался рядом, мечтая быстрее распрощаться со мной. Зрители разочарованно покидали место действия. Был полдень. Злое солнце и аура курортного безделья возбуждали человеческие слабости. Я уже не мог думать о цементе. Мне хотелось сняться с этой актрисой в крутом эротическом сериале из трехсот серий.

Виктор увядал прямо на глазах, как выброшенная на берег водоросль. Я продолжал пялиться на девушку, и затянувшуюся паузу мой сосед воспринял как немой вопрос относительно денег.

— У меня сейчас небольшие финансовые затруднения, — наконец родил он.

Актриса начала скучать. Проблемы инструктора ее не интересовали. Ее учебное время шло впустую.

— А вы знаете, — сказал я ей, не обратив внимания на реплику Виктора, — у нас в школе был самодеятельный театр. И как-то мы поставили пьесу «Розовый Слон». Это была кличка басиста школьного ансамбля. Крепкий такой рыжеволосый парень с гитарой в руках... Правда, у него не было ни голоса, ни слуха. Он вообще был глухим, и во время концертов ходил по сцене и, ничего не замечая, давил барабаны, усилители и колонки. Потом провалился под сцену, но и там продолжал играть один и тот же звуковой ряд. И все кричали ему: «Слон! Слон!» Так вот, этого Слона играл я.

— Мне это не интересно, — ответила артистка и села в машину.

Виктор развел руками, словно хотел извиниться за бестактное поведение своей подопечной, и взялся за ручку двери.

— Как зовут? — спросил я.

— Эту? — зачем-то уточнил Виктор, глянув на запыленное стекло, и, словно выдавая какую-то нелicenseприятную семейную тайну, нехотя ответил: — Инга, кажется.

Он начал влезать в машину, как в змеиный питомник. С актрисой по городу катается, подумал я, а такая физиономия протокольная.

— Не вернешь бабки через два дня, — ласковым голосом сказал я ему, — включу счетчик.

Деловое выражение стало сползать с лица инструктора, как пригоревший блин со сковородки. Я невольно покачал головой, сетуя на свой скверный характер. Это была всего лишь шутка, а Витек теперь ночь спать не будет.

Ничего, успокоил я себя, провожая глазами «шестерку», которая, как хромая лошадь, толчками набирала скорость. Ночь не поспит, зато духовно обогатится, общаясь с этой зеленоглазой музой. Все в жизни должно быть сбалансировано.

Глава 2

Я дождался первого гудка и мысленно попросил бога связи и телефонных коммуникаций проявить милосердие. Слушая второй гудок, остановил дыхание. Затем раздался щелчок и опять включился автоответчик.

Этот автоответчик достал меня больше всего. Нормальная вроде бы женщина, и голос у нее красивый, а как записала себя на пленку — уши начали вянуть от дурацкого приветствия: «Здравствуйте! К сожалению, сейчас никто не может подойти к телефону. Оставьте свое сообщение после длинного сигнала». Анна сразу представлялась мне этакой компьютерной куклой со стеклянными глазами и ритмично движущимися губами, напичканной примитивными программами, и потому у меня пропадала охота оставлять свое сообщение. Первый раз после длинного сигнала я прокукарекал. На второй раз промычал, а в дальнейшем выразительно блеял, хрюкал, гавкал, словом, старательно наполнял автоответчик жизнерадостными звуками скотного двора.

Не знаю, принимала ли Анна мои сообщения, но на все мои старания напомнить о себе она не подавала признаков существования, не звонила и не писала мне. Этим летом она почему-то

изменила своей традиции и не приехала в Судак. Я чувствовал себя одиноким, мечтал о бескорыстной любви и наполнялся ненавистью к бригаде строителей, которая третий месяц ремонтировала мою гостиницу.

«...Оставьте свое сообщение после длинного сигнала», — в сотый раз выдал дурацкий совет автоответчик из далекой московской квартиры.

Я посмотрел на трубку, намереваясь сожрать ее, но ограничился лишь тем, что после длинного сигнала издал вой сытого леопарда из национального парка Вилшатту в Шри-Ланке. Затем опустил трубку в гнездо на аппарате и сказал себе: «Кирилл Вацура! Ты звонил ей в последний раз!»

* * *

В спортклуб «Персей» я обычно приезжал в часы полуденной сиесты, когда город плавился, как шоколад во рту. В это время в залах пустовало, гулял горячий сквозняк и не было необходимости дожидаться своей очереди у снарядов. Я «качался» на пару с тренером клуба Герой. У него было интересное ко мне отношение. Гера считал, что тренер, он же учитель, должен воплощать в себе идеал физического совершенства, и всячески пытался продемонстрировать мне свое превосходство. Когда ему это не удавалось, он нервничал и истязал себя.

Если я отжимал от груди штангу и на грифе висела, скажем, «соточка», Гера обязательно подключался ко мне и навешивал еще килограммов десять. Когда я брал и этот вес, он увеличивал его еще на пять кило и, совершив под штангой подвиг, переходил к другому тренажеру, чтобы не видеть, как я буду работать с его весом. Он соперничал со мной с фанатичной целеустремленностью. Я никогда не мордовал боксерскую грушу в одиночку. Рядом, у борцовского мешка, обязательно появлялся Гера и начинал с сердитым воплем наносить по нему удары ногой. Я бил по груше с разворота, апперкотом, ребром ладони и ее тыльной стороной, а Гера, подглядывая за мной краем глаза, кричал и выбивал пыль из мешка ногами. Иногда мне казалось, что он пытается заставить мешок кричать.

Мы вроде как дрались друг с другом, и наш поединок про-

должался уже больше года. А вообще он был хороший парень, только стрижка наголо да татуировки на руках несколько его портили. И еще, несмотря на свой внушительный вид, Гера смертельно боялся девчонок и уже много лет подряд тщетно пытался жениться.

— Кончай потеть! — сказал Гера, когда я приседал со штангой на плечах, мысленно сравнивая ее со своими проблемами. — К тебе мужик пришел.

Я опустил гриф на стояки, вытер тряпкой магнезию с ладоней и накинул на мокрые от пота плечи полотенце.

— Надо рыть бассейн, — сказал я. — Причем двухъярусный, чтобы вода из одного большой струей перетекала в другой, как в аквапарке на Майорке.

Подобными идеями я всегда загонял Геру в угол. Он отчужденно взглянул на меня, тряхнул головой, словно стоня севшую на лоб муху, но ничего не сказал и стал навешивать на штангу, под которой я только что надрывался, еще пару десятикилограммовых блинов.

Я вышел в тамбур и заглянул на лестницу. На ступенях стоял Виктор Куценко и нервно наматывал на ладонь скрученный жгутом полиэтиленовый мешок; улыбка его была искусственной, словно кто-то невидимый сунул ему два пальца в рот и растянул губы. Наверное, моя еще не остывшая от нагрузки грудь произвела на него тяжелое впечатление, и сосед как-то сразу сник.

Виктор никогда раньше не приходил в клуб. Мне это не понравилось. Тот, кого не ждут, приходит обычно с дурными новостями.

— А-а, сосед! — воскликнул я, стараясь по глазам угадать, с чем пришел Виктор. — Как идет учебный процесс? Научил свою актрису отпускать сцепление?

Я невольно заговаривал ему зубы, заваливал малозначащими вопросами, но Виктор сразу перешел к делу.

— Два дня прошло, — выговорил он, кидая настороженные взгляды на дверь в зал, где страшно гремел железом Гера. — Если можешь, то подожди еще неделю. Через неделю я отдам все...

До меня не сразу дошло, о чем он говорил. Я уже забыл о

своей нехорошей шутке про счетчик, а Виктор, оказывается, воспринял мои слова всерьез.

Мне тотчас захотелось дать соседу еще денег. Я похлопал его по плечу и завел в раздевалку. Здесь можно было посидеть в кресле под распахнутыми настежь окнами и попить ледяной минералки.

— Садись, — сказал я ему, заглядывая в холодильник. Виктору показалось, что я настроен на долгий и крайне неприятный разговор, и решил не оттягивать экзекуцию.

— Нет, давай уже сразу все решим. Можешь меня казнить. Но ситуация вот такая, понимаешь...

— Да ладно, успокойся! — махнул я на него рукой. Нет ничего хуже, когда человек боится тебя без причины и наоборот. — Не рви пакет, пригодится! Селедку в него положишь.

Из зала донесся громкий металлический лязг, а вслед за ним — матерная тирада. Похоже, что Гера уронил штангу себе на ногу.

— Давай все по порядку, — сказал я, срывая ключом пробку с бутылки боржомом.

— Брат с деньгами задержался, — снова начал оправдываться Виктор. — Должен был приехать еще вчера...

— Я не о том! — перебил я его. — Про Ингу рассказывай! Где ты ее нашел?

Виктор был озабочен долгом, Инга же его совершенно не волновала. В этом плане мы с соседом словно говорили на разных языках.

— Да я ее не искал, — ответил Виктор, рассеянно глядя на пузырьки в стакане. — Ко мне ее привел незнакомый парень и сказал, что за десять дней ее надо научить водить машину.

— Почему за десять дней?

— А потом начнутся съемки фильма. А она должна сыграть в нем эпизод, как садится в машину и мчит по улицам.

— Что ты говоришь! — воскликнул я. — Представляю, какой это будет захватывающий фильм! А как будет называться? «Смертельная погоня»? Или «Кровавая гонка»?

— Не знаю, — пожал плечами Виктор. — Не интересовался.

— А откуда она? С какой киностудии?

— Кажется, с Ялтинской.

— Где остановилась? Адрес знаешь?

Виктор отрицательно покачал головой.

— Она приходит в автошколу, мы садимся в машину и едем.

Через час расстаемся. Вот и все.

— И целый час ты паришься с ней в своей замороченной «шестерке»? Не поверю, что ты хотя бы раз не прокатился с ней на дикий пляж.

— Что ты! — махнул рукой Виктор. — Никаких пляжей не было.

— Может, тебе еще денег дать?

— Не издевайся, Кирилл! У меня этот долг поперек горла стоит.

— Так сколько уже дней, ты говоришь, она в твоей машине дрессируется?

— Два. Пока два.

Я сам не понял, пошутил или нет:

— Вот и хорошо! Оставшиеся восемь дней я буду учить ее вместо тебя.

Виктор тоже не смог определить, в какой степени я склонен был шутить, но на всякий случай покачал головой.

— Да, конечно, — произнес он размазанно. — Это было бы неплохо. Жаль только... Я тебя не очень от дел отрываю?

— Я серьезно.

Теперь он смотрел на меня с испугом.

— Да ты что? — негромко сказал Виктор. — Ты зря думаешь, что это интересно. Я тебе не советую.

— Восемь дней, конечно, это многовато, — гнул я свое. — А пару раз я с ней покатаюсь.

Виктор понял, что упустил контроль над ситуацией, и попытался дать задний ход.

— Это невозможно, Кирилл. Что я скажу директору? А как на это киношники посмотрят? Они пообещали мне приличные бабки...

— Ничего говорить не надо, — перебил я Виктора. — Никто ничего не узнает. Завтра, когда она сядет в машину, скажешь, чтобы вырुлила к гаражам, и объяснишь, что на два

дня тебя подменит гонщик мирового класса Бартолемео Лесепс. У гаражей я вас и встречу.

Виктор топтался по линолеуму раздевалки и все не хотел уходить. Я налил ему еще стакан минералки.

Глава 3

— Я вот почему просила тебя прийти, Кирилл, — сказала Лебединская, проводя меня через зал в подсобное помещение. — Зеленого чая хочешь?

Она, как всегда, держала в руке большую раковину рапана, в которую поминутно стряхивала пепел с папиросы. Темный брючный костюм, короткая стрижка, низкий, хрипловатый голос и неистребимая тяга к «Беломорканалу» и автомобилям настолько затушевывали женское начало в заведующей музеем, что мне всякий раз хотелось назвать ее «дядя Шура». — Нет, чаю не надо, тетя Шура, — ответил я.

— Как твой «Ниссан» бегаёт? — спросила заведующая, все же наливая мне немного желтоватой водички. — А я вчера Анну вспоминала. Какая все же милая девочка! Кофточку и клофелин от гипертонии из Москвы мне прислала... А почему она не приехала?

Запахом крепкого табака была пропитана даже чашка.

— Вы ведь не для того меня позвали, чтобы спросить про Анну? — предположил я. — Разве такая деловая и энергичная женщина стала бы тратить время на такую ерунду?

Лебединская затанулась, прищурилась и погрозила мне пальцем.

— Только Кирилл Вацура умеет взять за горло так, что это будет приятно, — отвесила она мне комплимент. — Но это не ерунда! На месте Анны я тебя одного не оставила бы. За тобой глаз да глаз нужен! Ни одной юбки не пропустишь! Жениться тебе надо, Кирилл! — Она вновь погрозила мне пальцем. — Но

ты прав, конечно. Я не собираюсь читать тебе мораль, у меня к тебе серьезный разговор... Да присядь ты, не возвышайся надо мной, как Давид!

Пришлось опуститься в старое потертое кресло, с боков которого свисала бахрама — следы когтей музейного кота.

— Тебе о чем-нибудь говорит имя Лембита Лехтине? — спросила Лебединская, размахивая дымящейся раковиной как кадиллом.

— Нет.

Лебединская была историком, а историки не любят быстрых и однозначных ответов.

— А ты не спеши, подумай.

— У меня прекрасная память, тетя Шура. Это имя мне незнакомо.

— Странно, — ответила заведующая после паузы. — А он утверждал, что вы знакомы.

— Кто он такой, этот Лехтине? — спросил я, впрочем, без особого любопытства. — Что ему было нужно?

Лебединская выдержала паузу, а потом вдруг некстати спросила:

— Послушай, я все никак не пойму, есть ли какие-нибудь преимущества у дизельного двигателя перед карбюраторным?

Я давно заметил за ней такую привычку. Ей нужно было время, чтобы точно построить ответ. Пока я буду распинаться, объясняя механику дизеля, она определится с ответом.

— Ладно, тетя Шура, — сказал я. — Двигатели здесь ни при чем. Я подожду.

Похоже, что она не услышала моей реплики. Беззвучно ступая мягкими, сшитыми из шинельного сукна музейными тапочками, она двигалась от окна к столу и обратно, часто затягиваясь и наполняя дымом подсобку.

— Он представился искусствоведом и частным коллекционером, — медленно сказала Лебединская. — Из Тарту, кажется... Говорил с сильным акцентом, часто путал слова. Его интересовали золотые генуэзские монеты пятнадцатого века.

Я вскинул голову и посмотрел на женщину. Она заметила, как я нахмурился, сжал губы, и встала ко мне боком, делая вид, что рассматривает стеллаж с кусочками антикварной черепи-

цы. Она знала мой характер и была готова к тому, что я сейчас начну говорить с ней резко.

— Очень приятная новость, тетя Шура.

— Приятного мало, — ответила она так, словно не поняла моего сарказма.

О том, что у меня есть такие монеты, в Судачке знали только два человека — заведующая музеем Лебединская и «черный» антиквар Кучер, которому два месяца назад я продал полсотни штук по пятьсот пятьдесят долларов. В честности Лебединской и Кучера я не сомневался, а потому осведомленность незванного гостя меня насторожила. Я никогда не позволял себе говорить с женщиной грубо и все же сорвался.

— Я же вас предупреждал! — сказал я, привставая с кресла. — Значит, вы меня не послушались? Вы выставили подлинники всем напоказ? И этот ваш Лембит, естественно, их увидел?

— Ах, Кирилл! — воскликнула она. — Какое послушание? Я же не девочка и, кажется, гожусь тебе в матери!

— Но вы же сами пообещали мне, что закажете латунные копии, а золотые монеты спрячете.

— Я обещала? — лукавила заведующая, гася папиросу в раковине и тотчас прикуривая новую. — Тебе, наверное, это приснилось. Я не могла обещать такого! На подобный цинизм способен разве что ночной сторож Вася, а не кандидат исторических наук и заслуженный работник культуры Александра Лебединская!

— Но почему цинизм, тетя Шура! Я беспокоюсь о нашем с вами благополучии!

— Я тебя умоляю, Кирилл! Обо мне беспокоиться не надо. Никто не посмеет обидеть старую и мудрую черепаху Лебединскую!.. Так я не поняла, ты хочешь зеленого чая или нет?

— Вы уходите от разговора.

— Да. Ухожу. Потому что уже не вижу в нем смысла. Я уже жалею, что рассказала тебе про коллекционера.

— Вот что! — Я начал терять самообладание. — Вы не хуже меня знаете, чего стоят эти монеты. И любой мало-мальски осведомленный в антиквариате специалист без труда определит их цену. И чем выше цена, тем больше всякой криминальной

нечисти будет к этому золоту липнуть. Спрячьте их от греха подальше и никому не показывайте!

— Я уже говорила: ты, Кирилл, циник! — холодно заметила Лебединская. — В моем несчастном музее одни муляжи, кроме нескольких обломков гончарной черепицы, сомнительных каменных наконечников для стрел и картин начинающих пейзажистов. Впервые за свою жизнь я смогла показать людям бесценные исторические реликвии, а ты требуешь, чтобы я спрятала их подальше.

— Но это же опасно! — взмолился я. — Неужели вы не понимаете, что даже за одну монету преступники могут пойти на все! Какой-то эстонец уже заинтересовался монетами, уже знает мою фамилию. А откуда, спрашивается, он мог узнать, что у меня тоже есть такие монеты?

— Не знаю, — ответила Лебединская. — Шила в мешке не утаишь.

— Правильно. Поэтому шило не надо класть в мешок. Лучше его зарыть в землю. Так безопаснее и...

— Опять ты о своем! — возмутилась заведующая, перебивая меня и с грохотом опуская раковину на стол. — Я уже от тебя устала! Ты сгущаешь краски! Кто догадается, что под стеклом лежат подлинники, когда их тут средю не было? Ты да я!

— Вы дадите мне сказать или нет?! Это не меньший цинизм — дурачить людей, демонстрируя им шедевр под видом подделки, — сказал я глухо.

Лебединская усмехнулась и с прищуром посмотрела на меня.

— Ой ли! Хотела бы я, чтобы все на свете были такими циниками! Согласись, что это все же лучше, чем поступать наоборот. Как, скажем, в пинакотеке Букингемского дворца, где среди личной коллекции королевы Елизаветы выявились две фальшивки, которые несколько веков считались подлинными полотнами Рембрандта. И его знаменитейший «Автопортрет» тоже объявлен подделкой. И в Эрмитаже, и в Лувре, и в галерее Уффици...

— Ну, хорошо! — приостановил я интеллектуальный пресинг. — Я понял, что не могу вас убедить убрать с витрин монеты. Мне проще самому их сгрести и спрятать в более надежное место!

Она вздохнула:

— Я очень благодарна тебе за монеты, Кирилл, за этот щедрый подарок, но теперь позволь мне самой распоряжаться им.

Она поставила точку в разговоре. Храбрая, подумал я. Храбрым человек бывает от природы, когда занижен инстинкт самосохранения, или же от недооценки опасности. У Лебединской и то и другое присутствует в достаточной мере. Она вообразила себе мир, наполненный благородными рыцарями, легендарными консулами и монахами, разукрасила его рюшечками и цветами и стала порхать бабочкой в облаке табачного дыма.

— Так что хотел от меня ваш коллекционер Лехтине? — спросил я, подойдя к двери.

— Во-первых, он не мой коллекционер, — нарочито безразличным голосом ответила заведующая, разрывая измочаленную и ставшую плоской пачку «Беломорканала». — А во-вторых, он не сказал, что от тебя хочет. Спросил лишь, не знаю ли я, где ты живешь. Я ответила, что не знаю. Вот, собственно, вся история.

— Он, конечно, подходил к шкапам, рассматривал монеты?

— Ошибаешься, — ответила Лебединская, отрицательно качая головой и прикрывая глаза. — Он не подходил к экспозициям. Только поговорил со мной и вышел... Это сколько уже на твоих часах пропилкало? Неужели ровно два? Все, мой милый, я пошла за пирожками. В моем возрасте привычкам изменять нельзя.

Мы расстались недовольные друг другом. Никогда еще я не был так зол на заведующую, как сейчас, и даже не предложил подвезти ее к пирожковой, куда она с педантичной точностью ходила каждый день.

Глава 4

Лучше бы я пошел в тренажерный зал к Гере и выплеснул дурную энергию на кетлеровские станки. Но мою машину как магнитом потянуло в автошколу, и я, работая только педалью

тормоза, покатился с горки мимо кафе «Встреча», старого немецкого кладбища, крепостного барбакана, думая о том, что в разговоре с Лебединской не был до конца откровенен. Меня взволновало не только ее легкомысленное отношение к дорогому антиквариату. Незнакомец, назвавшийся Лембитом Лехтине, интересовался мной у заведующей выставочным залом не случайно. Только генуэзское золото, подобно компасу, могло потянуть в мою сторону коллекционера. Откуда эстонец мог узнать о том, что у меня есть позднебоспорские монеты? И знает ли он главное — сколько их у меня?

Раздумывая, я машинально затормозил у распахнутых настежь ворот гаража, потянулся рукой к ключу зажигания, заглушил мотор и, чувствуя, что сейчас наломаю дров, швырнул на панель брелок с дистанционным управлением гаражными воротами. Опять эти бездельники оставили их открытыми! Сколько раз просил всегда держать ворота запертыми!

Остывая очень медленно, как доменная печь, я загнал машину в гараж, закрыл и запер на замки все, что было можно, и на автобусе доехал до автошколы.

Красная «шестерка» с предупреждающей надписью на капоте: «ОСТОРОЖНО, ЗА РУЛЕМ УЧЕНИК!», переваливаясь с бока на бок по разбитой дороге, как утлое суденышко на шалловливой волне, выкатилась из ворот автошколы и медленно, со скоростью катафалка, свернула к гаражам. Я подождал, когда она остановится, и вышел из своей засады.

Конечно, в таком взвинченном настроении не стоило отправляться на встречу с Ингой, но не в моих правилах было отказываться от randevu, тем более что я же его и назначил. Полагая, что Виктор уже рассказал Инге о рокировке и вопрос решен, я с некоторым недоумением увидел, что мотор у «Жигулей» продолжает работать, а Виктор, сидя на инструкторском месте, о чем-то эмоционально говорит девушке, включая и выключая рычаг поворотных огней.

Я открыл дверцу, склонился и сдержанно, как и подобает учителю с ученицей, поздоровался с Ингой. Виктор осекся, раскрыв рот и хлопнул себя по лбу, очень фальшиво сыграв провал в памяти.

— Я ж совсем забыл! — с досадой произнес он, глядя то на меня, то на Ингу. — Мне же надо сегодня ехать в Белогорск!

Он врал настолько плохо, что меня покорило, и я нетерпеливо хлопнул его по плечу.

— Ну, давай! Выметайся!

Инга, еще не понимая, что происходит, настороженно смотрела на меня своими зелеными глазами. Ее круглые черные очки были сдвинуты на лоб и поддерживали высветленную челку. Смуглые, гладкие, как каштаны, скулы оттеняли впалые, с ямочками, щеки. Губы, покрытые перламутровой помадой, были слегка приоткрыты; кончиком языка девушка водила по краю зубов — я вспомнил, так же она делала, когда разговаривала со мной первый раз. Наверное, эта привычка была сродни нервнo-сдержанному движению хвоста кошки.

— Это как понять? — спросила она меня, когда я взгромоздился на сиденье инструктора и стал подгонять его под свой рост. — Я вас сюда не приглашала.

— Инга! — заискивающе произнес Виктор, приседая, нагибаясь то влево, то вправо, чтобы за моими плечами увидеть девушку. — Я забыл вас предупредить! Меня временно заменит мастер вождения Кирилл Вацура...

Я незаметно двинул локтем Виктора в солнечное сплетение и повернул лицо к Инге.

— Вообще-то меня зовут Бартоломео Лесепс, — поправил я, захлопывая дверь. — Но это не имеет значения. На Виктора свалились проблемы, ему срочно надо в Белогорск, поэтому учить вас вождению буду я.

Инга как-то странно посмотрела на меня, словно была иностранкой и плохо понимала русскую речь. Виктор бочком пятился к забору автошколы, поглядывая на машину; губы его шевелились, он бормотал себе под нос либо молитву, либо проклятия.

— Не робейте, — сказал я, чувствуя, что пауза затянулась. — Я буду с вами очень вежлив... Сцепление, первая передача, и плавно трогаемся.

Инга опустила руку на рычаг скоростей, сдвинула его вперед и сбросила сцепление. Машина дернулась и заглохла.

— Извините, — проштала девушка.

Она была слишком рассеянной, чтобы нормально вести машину. Виктор уже дошел до ворот. Стоя на въезде, он жевал губу и следил за нами. Я только сейчас нашел под своими ногами парные педали тормоза и сцепления и приступил к обязанностям инструктора.

— Еще раз, — сказал я, глядя на профиль девушки. — Запускаем мотор, первая передача, добавляем газ и плавно отпускаем сцепление.

Я придерживал педаль на тот случай, если у Инги опять ничего не получится. Она крепко ухватилась за руль, налегла на него так, что ее подбородок коснулся «баранки». Я обратил внимание на то, что девушка смотрит не на дорогу, а на панель приборов, и ее широко раскрытые глаза быстро наполняются тревогой. Стрелка тахометра плавно ползла вверх. Старая «шестерка» задрожала, двигатель стал с хрипотцой подвывать, как осенний ветер на высоковольтных проводах.

— Ну! Смелее! — поторопил я, чувствуя, как легко и органично вошел в роль инструктора.

— Не смотрите на меня, — сквозь зубы процедила Инга.

Я коснулся затылком подголовника и сложил на груди руки. Виктор исчез. По ветровому стеклу рассыпались мелкие капли дождя. Синоптики, как всегда, ошиблись, предсказывая сухую и жаркую погоду. «Шестерка» дрожала, словно озябший конь. Я думал о том, что невозможно одновременно учить девушку вождению и набиваться к ней в любовники. Одно исключает другое.

Инга вдруг тряхнула головой, словно хотела избавиться от нахлынувшего на нее оцепенения, сбросила газ, заглушила двигатель и выскочила из машины столь быстро, как если бы в салоне начался пожар. Ее бежевые шелковые брюки, расклешенные внизу, колыхались, играли в свете, будто по ногам девушки струилась вода. Она сделала несколько стремительных шагов и остановилась спиной ко мне перед гаражом, обшитым рваной оцинкованной жестью.

Мне не хватало только ее капризов, с унынием подумал я и почувствовал, как любопытство к актрисе угасает. Ингу я представлял намного более интересной, чем она была.

Я посигналил. Девушка продолжала упираться взглядом в гараж и срывать с корявой ветки листья.

И мне это надо? — еще более расстраиваясь, подумал я, дотянулся левой рукой до руля, тронулся с места и медленно подъехал к Инге.

— Да что вы так переживаете? — крикнул я в окно. — Все у нас с вами будет хорошо.

Инга вдруг повернулась к машине лицом, решительно подошла к двери и распахнула ее. Сложив на груди руки, она выставила одну ногу вперед, словно хотела подчеркнуть свою независимость, и спросила:

— Ну? Что дальше? Что вы еще хотите от меня?

Мне стало за нее стыдно. Вот тебе и актриса, подумал я. Нормально сыграть целомудренную дуру — и то не смогла.

— Ничего я от тебя не хочу, — ответил я, не глядя на Ингу и с сухим треском проводя ногтями по щетине на щеках. — Хочешь тренироваться — садись, не хочешь — беги за Витей. У меня мало времени.

Чтобы тебе поверили сразу и полностью, надо разозлиться. Злость — наиболее искреннее проявление человеческих чувств, в котором трудно ошибиться. Инга не сразу, но все же села за руль, бесцельно подергала рычаг передач, несколько раз качнула педаль сцепления и откинулась на спинку сиденья.

Она мгновенно перевоплотилась.

— Не пойму, что это на меня нашло! — сказала она уже другим голосом, глядя на меня с выражением той кокетливой вины, какое бывает у женщины, нечаянно заснувшей на постели незнакомого мужчины. — Голова пошла кругом! Не сердись на меня, ладно?.. У тебя на переносице то ли солярка, то ли уголь.

— Что у меня на переносице? — не понял я.

Инга не стала повторять, незаметным движением вынула из кармана шелковой жакетки платок, источающий горький аромат духов, и провела им у меня между бровей.

— Я понимаю, что инструктору положено... — произнесла она, старательно натирая мой лоб. — И все же так будет лучше.

Нет, не зря я решил подменить Виктора!

— Если ты не остановишься, — предупредил я, — то протрешь дыру.

Инга опустила руки и посмотрела на мое лицо, как ваятель на свежевылепленный бюст.

— Да, — согласилась она. — Немного перестаралась. Впрочем, у тебя такой тип лица, который трудно чем-либо испортить.

— Спасибо, — на всякий случай сказал я, хотя не понял, комплимент это был или же наоборот. — Ну что? Может быть, попытаемся проехать десяток метров?

— Да! — согласилась Инга и решительно взялась за рычаг передач. — Принимать экзамен будет Браз, а его лучше не нервировать.

— Браз — это инспектор ГАИ? — предположил я.

— Нет, это наш режиссер... Ну, куда рулить?

На этот раз она плавно тронулась с места и уверенно провела машину между гаражей.

— Первый раз обучаю актрису, — признался я.

— Так это же замечательно, — отозвалась Инга. — Это же прекрасный повод...

Она не договорила, для каких действий это прекрасный повод, вырулила на улицу Садовую и вдруг резко вдавила педаль акселератора в пол. Мотор взревел, как слон, наступивший на гвоздь, стрелка тахометра сразу вляпалась в красную зону. Я вовремя сбросил сцепление и притормозил — улицу где попало перебежали люди, и они не знали, как сильно рискуют. Потом почувствовал, как в лицо плеснул жар. Оказывается, учителем я был осторожным и даже трусливым, чего нельзя было сказать о моих водительских качествах.

— Педалью газа пользоваться надо ласково и нежно, — сказал я. — Представь, что ты идешь по болоту и каждую кочку проверяешь на прочность носком ноги.

Инга посмотрела на меня. В ее глазах цвета болотных кочек полыхал холодный азарт.

— Нет, дорогой мой тиче Бармалей Леплес...

— Бартолемео Лесепс, — поправил я.

— Я должна научиться не столько водить машину по правилам, сколько эффектно, с визгом и искрами трогаться с места и быстро набирать сумасшедшую скорость.

— Ах, вот оно что! — протянул я. — А зачем тебе это надо?

— В фильме будет эпизод, как студентка Марта убегает от мафии, прыгает в первую попавшуюся машину и срывается с места. Марту буду играть я. Мне предлагали дублера, но я отказалась, пообещала, что за десять дней, пока оператор и художник занимаются выбором природы, научусь выполнять этот трюк.

— Понятно, — ответил я. — Теперь все понятно. Только на старой «шестерке» сумасшедшую скорость тебе вряд ли удастся развить.

Дорогу опять заняли прохожие. Мы терпеливо ждали, когда взлетная полоса освободится.

— Ты играешь главную роль? — спросил я.

— Да, — кивнула Инга.

— А как фильм будет называться?

— «Час волка». Там будет и современность, и средневековье. В современной части я играю Марту, а в исторической — графиню Лавани... Ой, смотри! Смотри! — Она тыкала пальцем в ветровое стекло.

— Куда смотреть? — не понял я, выворачивая шею.

— Наверх!

— А что там я должен увидеть?

— Дельтаплан с мотором!.. Поздно, улетел уже.

— Да видел я его тысячи раз! Зачем так громко кричать?

— В нашем фильме тоже будет дельтаплан. Он зависнет над моторной лодкой, а Марта ухватится за свисающий фал...

— Марта, насколько я понял, это ты?

Инга опять попыталась эффектно стартовать. В общем, уже что-то вырисовывалось, хотя она еще не уловила тот тонкий момент со сцеплением, при котором двигатель не глохнет, а колеса шлифуют асфальт с визгом и дымом.

Мы подкатили к рынку. Народ тучами проплывал перед машиной. Я держал ногу на тормозе.

— Остановись у обочины, — попросил я.

Инга решительно кинула машину на бордюр. Я лишь головой покачал.

— Плохо, да? — с надеждой спросила она.

— Постоим минутку, ладно? — ответил я, приоткрывая дверь, чтобы запустить в салон сквознячок.

У входных ворот кругами ходили менялы, шлепали пачками купюр по ладони и безостановочно бормотали:

— По выгодному курсу... Рубли на доллары, доллары на гривны, гривны на рубли...

Я искал среди них усатого, Вечного Мальчика, как я называл тощего спекулянта по кличке Холера, с лицом, усеянным, как прыщами, мелкими носиком, ротиком, глазками, с аккуратным пробором, свежей стрижкой и дурным запахом дешевого одеколона. Ему было за сорок, но выглядел он как болезненный подросток. Он прятался от солнца в тени козырька у входа в мясной павильон и искоса наблюдал за нашей машиной.

Я не стал к нему подходить и качнул головой. Вечный Мальчик, соблюдая понятную только ему конспирацию, медленно прошелся до ограды, оттуда к остановке автобуса, видя все вокруг себя, после чего, шлепая купюрами по ладони, приблизился к «шестерке».

— Здравсьте! — по своему обыкновению поздоровался он, слегка склоняясь над дверью и мельком взглянув на Ингу. — Какие проблемы? Баксы нужны или рубли?

— Мне Кучер нужен, — без долгого вступления сказал я.

— Нужен — найдем, — негромко пропел Вечный Мальчик. — А чего это ты на «шестерку» пересел? С «Ниссаном» что-нибудь случилось? Зато водитель у тебя — нет слов!

— Завтра я жду его на остановке у гостиницы «Горизонт» в это же время, — сказал я, глядя на рыжий пробор менялы, прищипанный, как песком, перхотью.

— А что я буду с этого иметь? — спросил Вечный Мальчик, двигаясь всем телом, словно под его одеждой табунами бегали вши.

— Вставные передние зубы, — пообещал я. — Не слышал о таком нумизмате Лембите Лехтине? На рынке он не появлялся?

— Редкая фамилия, — ответил Вечный Мальчик, перебирая купюры, как колоду карт. — Не слышал и не встречал.

Я захлопнул дверь. Инга помахивала перед лицом журналом.

— Жарко? — спросил я. — Еще немного поработаем, потом поедем кушать мороженое, а завтра я научу тебя с ходу раз-

ворачиваться на сто восемьдесят градусов, так, что пыль пойдет столбом. Твоему Бразу понравится.

— Да? — удивленно спросила Инга и взглянула на меня чисто женским взглядом. — А разве завтра мы тоже вместе?

— А тебе этого не хочется?.. Поехали!

Она не ответила, завела машину.

— Куда едем, мой тиче?

— Прямо, к автостанции, потом свернешь направо. Там село Дачное находится, дорога не загружена, можно тренироваться. Заодно выполнишь одну мою просьбу.

— Какую?

— Узнаешь.

Мы выехали на шоссе, миновали каменные башни горы Гребешок и свернули на грунтовую улочку, зажатую с двух сторон заборами, из которых ломились пышные сады. Инга вела машину ровно, и я на некоторое время забыл о своих обязанностях, погружившись в тяжелые мысли.

— Стой! — скомандовал я.

— Что это за деревня? — спросила Инга, когда пыль вокруг нас развеялась.

Я смотрел на ее ухоженное лицо. У нее любовников больше, чем поклонников, подумал я. Все первые лица кинематографа и все вторые: помреж, пом-опер, помхуд, помрук, помзад...

— Опусть очки на глаза.

Она послушалась, но тотчас заметила:

— У тебя взгляд, как у Бразы.

— И что в его взгляде интересного?

— Он всегда смотрит на артиста, как на бутерброд, который продают в вокзальном буфете.

— Пройди, пожалуйста, по этой улице вперед метров сто, — сказал я, продолжая смотреть на Ингу, как на вокзальный бутерброд. — Справа увидишь двухэтажный дом с мансардой, номер сто тридцать четыре, покрыт красной кровельной медью. В общем, не ошибешься. Позвонишь. Если выйдет детина ростом выше меня и с лысиной, гладкой, как луна, скажешь, что тебе нужен господин Кучер. Он не признается, начнет спрашивать: зачем, для чего? А ты скажешь, что интересуешься старинными монетами.

— Это все?

— Да, все. Весь фокус заключается в том, что он тебе отвечает. Тебе, артистке, нетрудно ведь сыграть нумизмата?

— Я многое могу сыграть.

— Тогда сделай одолжение. Не бойся, это не страшно... Да, подожди! Вот сто долларов. Без них он не станет с тобой разговаривать.

Инга вышла, поправила прическу и протянула руку.

— Сумочку!

— Что? — не понял я.

— Мою сумочку дай!

— Да, конечно! — усмехнулся я, взял с сиденья маленький черный чемоданчик размером с книгу и протянул Инге. Не доверяет, подумал я.

Инга не очень решительно зашагала по улочке, оборачиваясь и глядя на меня, словно проверяя, не розыгрыш ли это? Я пересел за руль и развернул машину. Инга шла посреди улицы, рассматривая утонувшие в садах дома. Ее бежевый костюм блестел и отливал металлом. Она выглядела слишком броско для этой пыльной дачной улицы и совсем не была похожа на нумизматку.

Ничего он ей не скажет, думал я. Зря на него собак вешаю.

Инга скоро вернулась. Я подумал, что она не застала Кучера дома.

— Ну? — поторопил я ее, когда она села рядом.

Кажется, девушка получала удовольствие от того, что могла испытывать мое нетерпение.

— Значит, так, — начала она и посмотрела на потолок кабины. — Он дал адрес. Улица Набережная, дом два. Это там, где ремонтируется частная гостиница...

Гравий вылетел из-под задних колес машины с силой пулеметной очереди. Ингу швырнуло на спинку сиденья; она хотела схватиться за поручень над дверью, но промахнулась, и ее ладонь, описав дугу, шлепнула меня по лицу. Набирая скорость на предельных оборотах, я послал машину на шоссе, выскочил на встречную полосу и, уступая место идущему в лобовую грузовику, пропылил по обочине.

— Вот именно так... — произнесла Инга, придя в себя, когда «шестерка» гладко покатилась в город. — Я тоже так хочу...
— Занятия закончены, — зло сказал я.
— А мороженое? — мгновенно расстроилась Инга.
— Мороженое отменяется!
Сволочь, подумал я. Зарюю!

Глава 5

Кто сказал, что вспыльчивые быстро отходят, в отношении меня были весьма далеки от истины. Если я вспыхну по какой-либо причине, то успокаиваюсь лишь тогда, когда начисто устранию причину, заставившую меня нервничать. А до этого я всю свою эмоциональную энергию просто заталкиваю в маленькую крепкую емкость и до поры до времени навешиваю чеку. Словом, я весь из себя — очень взрывоопасный человек. Инга, естественно, этого не знала.

— Остыл? — заботливо спросила она меня, когда мы покатились по центральной улице города, такой же пересушенной, как и до дождя. Отдыхающие, как куры на птицеферме, разбежались из-под колес «шестерки» во все стороны. Меня это забавляло.

— Ты ожидал, что он назовет какой-нибудь другой адрес? — снова спросила Инга.

— Я ожидал, что он вообще ничего тебе не скажет и не возьмет деньги, — пояснил я. — А вообще не спрашивай меня ни о чем, все это тебя не касается.

— Ты проехал поворот в автошколе, — заметила девушка.

Я в самом деле забыл, что еду на чужой машине и что Ингу пора возвращать туда, где взял. Но из-за упрямства я не стал тормозить и разворачиваться.

— Поздно, — проворчал я.

— В каком смысле?

СОДЕРЖАНИЕ

ЧЕРНЫЙ КВАДРАТ	5
ЧАС ВОЛКА	177